

DOI: 10.31857/S013038640018557-0

© 2022 г. С.Е. ФЕДОРОВ, А.А. ПАЛАМАРЧУК

## БРИТАНСКАЯ КОМПОЗИТАРНАЯ МОНАРХИЯ: ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

*Федоров Сергей Егорович* — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

*E-mail: s.fedorov@spbu.ru*

*Scopus Author ID: 57196032604; ORCID: 0000-0002-6030-7667; Researcher ID: J-4374-2013*

*Паламарчук Анастасия Андреевна* — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

*E-mail: a.palamarchuk@spbu.ru*

*Scopus Author ID: 57201724636; ORCID: 0000-0002-0851-6875; Researcher ID: J-5315-2013*

**Аннотация.** Концепция композитарной монархии — выработанный в современной историографии аналитический инструмент для изучения крупноразмерных, структурно сложных государственных образований и происходящих в них этнокультурных и этнополитических процессов. Композитарные монархии развивались в условиях конкуренции универсалистского и партикуляристского дискурсов, определявших конфигурацию их внешних контуров и внутренних структур. История Британии с классического Средневековья и до правления Тюдоров и Стюартов свидетельствует о процессе формирования «композитных» (составных) идентичностей, которые в рамках сложных в территориальном отношении политий принимают форму консентуальных идентичностей, связанных с этническими общностями второго плана. Внутри композитарных политий возникают условия для реализации различных стратегий аккультурации. Выделяют следующие модификации аккультурационных стратегий: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция. Единственно возможным вариантом для формирования консентуальной идентичности в условиях композитарной монархии является модель интеграции. Интеграция позволяет композитам, вовлеченным в процесс этноморфоза, различными путями актуализировать собственное историко-культурное наследие и структурировать коллективное самосознание. Неоднородная структура композитарной монархии при Тюдорах и первых Стюартах предполагала, что стратегия интеграции задействует административные и интеллектуальные механизмы, разнящиеся для композитов британской периферии — Уэльса, Ирландии и Шотландии.

**Ключевые слова:** композитарная монархия, этничность, консентуальная идентичность, аккультурация, этноморфоз, Шотландия, Ирландия, Британия.

**S.E. Fyodorov, A.A. Palamarchuk**

### **The British Composite Monarchy: Supreme Power and Ethnocultural Processes**

*Sergey Fyodorov, St. Petersburg State University (Sankt-Petersburg, Russia).*

*E-mail: s.fedorov@spbu.ru*

*Scopus Author ID: 57196032604; ORCID: 0000-0002-6030-7667; Researcher ID: J-4374-2013*

*Anastasia Palamarchuk, St. Petersburg State University (Sankt-Petersburg, Russia).*

*E-mail: a.palamarchuk@spbu.ru*

*Scopus Author ID: 57201724636; ORCID: 0000-0002-0851-6875; Researcher ID: J-5315-2013*

*Abstract.* The concept of the composite monarchy as it developed by contemporary historiography, is an effective analytical research tool for study of extensive territorial states with a complex internal structure. This concept clearly demonstrates the diversity of ethnopolitical and ethnocultural processes undergone within such polities in the Early Modern Europe. Composite monarchies had been developed under the persistent impact of the two concurring discourses: the universalistic and particularistic ones. These discourses, in turn, structured the outlines and internal structural boundaries within composite states. The history of Britain in the High Middle Ages and particularly under the Tudors and the early Stuarts evidenced the emergence of so called “composite” (or multiple) identities. Being developed within complex and territorially heterogeneous polities, «composite» identities took the form of the so-called consensual identities, associated with the minor regional and local ethnical communities which functioned under the pressure of the composite state. Conditions for several acculturation strategies (assimilation, separation, marginalization and integration) appeared inside of the Late Medieval and Early Modern states but an integration was the only possible way for developing of consensual identity within the composite monarchies. Acculturation allowed to actualize the historical and cultural heritage of the regional and local communities as well as to structure their collective consciences.

*Keywords:* Composite monarchy, ethnicity, acculturation, consensual identity, ethnomorphosis, Scotland, Ireland, Britain.

На протяжении последних десятилетий концепция композитарной монархии остается одним из самых продуктивных инструментов изучения властных и управленческих структур в Европе, и в частности в Британии, раннего Нового времени. Речь идет о несомненных преимуществах, связанных не только с изучением форм и способов реализации верховной власти на исходе средних веков и раннего Нового времени, но и о перспективах, которые открываются для изучения этнокультурных и этнополитических процессов в указанный период. Именно такого рода процессы подразумевают формирование определенных «композитных» (составных) идентичностей, которые чаще всего в условиях, связанных с формированием сложных в территориальном отношении политий, приобретают форму так называемых консенсуальных идентичностей<sup>1</sup>.

Логика становления и развития такого рода консенсуальных идентичностей определяется двумя векторами в развитии идентитарных процессов<sup>2</sup>. С одной стороны, под влиянием эпохалистского дискурса и связанных с ним практик, реализующих, как правило, интересы верховной власти, формируется и развивается тот тип идентитарных процессов, который стремится подчинить своим интересам любые ориентированные на реализацию эссенциалистских дискурсов и практик механизмы. С другой — в условиях композитарных монархий подверженные внешней, т.е. со стороны эпохалистских практик, экспансии эссенциалистские дискурсы способны сохранять и даже в некоторых случаях наращивать свою самобытность. Сочетание таких постоянно взаимодействующих между собой эпохалистски и эссенциалистски ориентированных дискурсов и практик создает условия для развития особых форм аккультурации, сопровождающих характерные для позднего Средневековья и раннего Нового времени этнокультурные и этнополитические процессы.

Как известно, концепция композитарной монархии основывается на разработках Х. Кенигсбергера<sup>3</sup> и Дж. Эллиотта<sup>4</sup>, которые (первый — в большей мере на

<sup>1</sup> Uniting the kingdom? The making of British history / eds A. Grant, K.J. Stringer. London; New York, 1995; Ellis S.G., Maggin Ch. The Making of the British Isles. The State of Britain and Ireland, 1450–1660. London, 2013.

<sup>2</sup> О нацеленности верховной власти на консенсуальные практики: Федоров С.Е., Паламарчук А.А. Рассуждения о формуле власти // Средние века. 2020. Вып. 81. № 1. С. 21–30.

<sup>3</sup> Koenigsberger H.G. The Empire of Charles V in Europe // The New Cambridge Modern History. Vol. 2 / ed. G.R. Elton. Cambridge, 1958. P. 301–333; Idem. The Practice of Empire. Ithaca, 1969; Idem. Monarchies, states generals and parliaments: the Netherlands in the 15<sup>th</sup> and 16<sup>th</sup> centuries. Cambridge, 2007.

<sup>4</sup> Elliott J.H. A Europe of Composite Monarchies // Past and Present. 1992. № 137. P. 48–71; Idem. Empires of the Atlantic World: Britain and Spain, 1492–1830. New Haven, 2006.

континентальном, второй — на британском материале) пришли к выводу, что подавляющее большинство государств раннего Нового времени представляли собой не только в территориальном, но и административном отношении структурно сложные объединения. Власть монарха в такого рода объединениях не только эволюционировала от сюзеренитета к суверенитету, но и распространялась на ряд автономных или полуавтономных территориальных образований — композитов. При этом под определение композита попадали автономии с высоким уровнем административной субъектности, а процесс их инкорпорации (реализованной или потенциальной) рассматривался преимущественно в формально-правовом ключе. Для Кенигсбергера принципиально важным элементом являлась сформированность институтов внутри самих композитов, прежде всего институтов сословного представительства.

Для Эллиотта, который также отдавал должное институциональному аспекту композитарности, инструменты и механизмы, конституировавшие композитарные монархии, представляли заметно более широкий спектр функционировавших лояльностей и включали, к примеру, королевский двор и формировавшуюся под влиянием придворного патроната коммуникационную среду. Эллиотт, выделяя феномен композитарной монархии, видел в нем своеобразный стимул для дальнейшей консолидации региональных сообществ и идентичностей, способных усиливаться под влиянием конфессионального фактора.

К. Расселл<sup>5</sup>, как известно, предпочитал использовать близкий, но не полностью синонимичный «композитарной» термин «составная» (multiple) монархия, ограничивая его конструктивность эпохой Стюартов. Акцентируя внимание не столько на формальном, сколько культурно-историческом и конфессионально-эксклезиологическом аспектах этого институционального феномена, Расселл интерпретировал события в их исторической перспективе. При этом части «составной монархии» Стюартов виделись ему сравнительно однородными образованиями.

Дж. Моррилл<sup>6</sup>, рассуждая о тех явлениях, которые Дж. Эллиотт и Х. Кенигсбергер обозначали как «композитарные», предпочитал термин «династическая агломерация», поскольку полагал, что обеспечение династической стабильности было главным стимулом (а отчасти естественным следствием) возникновения крупных и этнически разнородных территориальных образований. Указывая на динамичный характер политий раннего Нового времени, Моррилл отмечал сохранявшееся вплоть до XVIII столетия разнообразие форм такого рода объединений. Близкий по духу Дж. Морриллу Х. Скотт определял политии раннего Нового времени как «субординированные королевства»<sup>7</sup>.

При этом только Р. Дэвис<sup>8</sup> распространял концепцию «эллиотовской» композитарности XVI–XVII вв. на период, намного предшествующий тюдоро-стюартовскому. Он рассматривал существовавшие как в кельтских, так и в германских регионах Британии представления о «верховном короле», в германском варианте — бретвальды (напомним, что Беда Достопочтенный считал латинский термин *imperium* аналогичным термину «бретвальда»). Используя эти наблюдения, Дэвис объяснял стратегию властвования, реализовывавшуюся Плантагенетами, полагая, что региональное общebritанское лидерство достигалось не только различными путями (война, дипломатия, исполнение функции

<sup>5</sup> Russell C. Composite Monarchies in Early Modern Europe. The British and Irish Example // *Uniting the Kingdom? The Making of British History*. P. 133–146.

<sup>6</sup> Morrill J. The British Problem, 1534–1707 // *State Formation in the Atlantic Archipelago*. Basingstoke, 1996. P. 1–38; *Idem*. *Dynasties, Realms, Peoples and State Formation, 1500–1720 // Monarchy Transformed. Princes and Their Elites in Early Modern Western Europe* / eds R. von Friedeburg, J. Morrill. Cambridge, 2017. P. 17–43.

<sup>7</sup> Scott H. *Dynastic Monarchy and the Consolidation of Aristocracy during Europe's Long Seventeenth Century // Monarchy Transformed...* P. 44–87.

<sup>8</sup> Davies R.R. *The British Isles 1200–1500: Comparisons, Contrasts and Connections*. Edinburgh, 1998.

верховного судьи, использование артуровского мифа), но и в определенной мере через сохранение множественности этнотерриториальных автономных объединений<sup>9</sup>.

В существующей сегодня историографии концепция композитарной монархии, имеющая, подчеркнем, аналитический характер и описывающая крупноразмерные структуры, применяется к тому периоду, когда в исторической и политико-правовой мысли современников в очередной раз актуализируется тема империи. «Имперская» проблематика задействовала глубоко традиционный понятийный аппарат, заимствованный из позднеримской политической и правовой риторики. Аналитический концепт «композитарности» специфическим понятийным аппаратом, укорененным в представлениях эпохи, хотя и не располагал, но тем не менее обнаруживал известные параллели.

Оформившиеся еще в эпоху классического Средневековья универсалистский и партикуляристский дискурсы, обладая мощным инструментальным ресурсом, позволяли объяснять, а главное — исторически, юридически и богословски оправдывать те или иные модели взаимодействия верховной власти, регионов, корпораций и этнических групп. Не менее важной оказывалась их способность к позиционированию средневековых политий в длительной исторической ретроспективе. Внутренняя неоднородность «империй», таким образом, представлялась современниками как характерная особенность не только для текущего времени, но и для более ранних этапов функционирования этого феномена. Популярность «универсалистских» схем объяснялась как экспансионистскими устремлениями конкретных государей и династий, так и их приложением к самым различным, в том числе и раннесредневековым, реалиям<sup>10</sup>.

Любые «универсалистские» построения не могли строиться исключительно на формально-правовых понятиях и требовали привлечения весьма разнообразной терминологии и способов аргументации. При этом формально-правовое определение автономий, доминировавшее в ряде аналитических моделей, оставалось значимым, но отнюдь не единственным для современников.

Осмысление имперской идентичности верховной власти английских монархов в XVI — первой половине XVII в.<sup>11</sup> во многом зависело от восходящих к классическому Средневековью представлений о легитимности полномочий территориальных государей. Такого рода представления основывались на отношении писавших на эту тему интеллектуалов к границам папского<sup>12</sup> и имперского верховенства. Оспаривая универсалистский характер претензий германских императоров, юристы ссылались на формулу

<sup>9</sup> Подход Дэвиса может быть успешно распространен и на период правления Нормандской династии с той лишь разницей, что территории, над которыми нормандцы стремились установить свое господство, включали инсularную и континентальную часть. На феномен устойчивости и разнообразия автономий в период позднего Средневековья (XIV—XV вв.) не только в английском, но и в шотландском королевстве обращает пристальное внимание группа исследователей, начиная с Х. Кэм — К. Стрингер, С. Невилл, Дж. Скаммелл, Дж. В. Александер и др. Их представления о такого рода внутренних структурах монархий позднего Средневековья можно считать действительно фундаментальными. Генезис такого рода автономий, как автономий сугубо феодальных по своей природе, регулировался феодальным правом, служившим в качестве основы для формирования региональных, локальных идентичностей и более широко — самой системы лояльностей: *Cam H. Liberties and Communities in Medieval England: Collected Studies in Local Administration and Topography*. Cambridge, 1944; *Scammell J. The Origins and Limitations of the Liberty of Durham* // *English Historical Review*. 1966. Vol. 81. P. 449—473; *Alexander J. W. The English Palatinates and Edward I* // *Journal of British Studies*. 1983. Vol. 22. P. 2—22; *Stringer K. States, Liberties and Communities in Medieval Britain and Ireland (c. 1100—1400)* // *Liberties and Identities in the Medieval British Isles* / ed. M. Prestwich. Woodbridge, 2008. P. 5—36; *Neville C. J. Land, Law and People in Medieval Scotland*. Edinburgh, 2010.

<sup>10</sup> Федоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу средних веков // *Вестник СПбГУ. История*. 2013. № 1. С. 77—89.

<sup>11</sup> *Bosbach F. Monarchia Universalis. Ein Politischer Leitbegriff der Fruhen Neuzeit*. Hamburg, 1988.

«rex qui superiorem non recognoscit», восходившую к декреталии Иннокентия III «Per Venerabilem»<sup>13</sup>. Подчеркивая универсалистское господство «римских» императоров, они использовали формулу «rex in regno suo est imperator regni sui», приписываемую Ацо<sup>14</sup>. Лежащие в основе этих максим доказательства так или иначе подразумевали типичную для средневековой Западной Европы дисперсию властных отношений<sup>15</sup> и обозначали варианты всех известных к тому времени теорий властного (главным образом территориально обусловленного) суверенитета средневековых монархий.

С началом Реформации инструментальный ресурс обеих формул уже использовался для обоснований культурно-исторической идентификации территориальных государственных объединений. Максима «rex in regno suo est imperator regni sui» активно адаптировалась для теорий верховенства никогда не входивших в состав империи владений; «rex qui superiorem non recognoscit» — соприкасавшихся с территориальной юрисдикцией германских императоров землям. При этом только политико-правовая мысль Франции и итальянских городов-республик могла претендовать на перспективу, связанную с применением обеих формул<sup>16</sup>.

Использование обеих максим в интеллектуальном дискурсе эпохи интенсифицировало палитру возможных доказательств исходно иного и одновременно отличного от отдающего приоритет имперскому порядку. В теориях естественного права территориальные государства позиционировались не только как предшествующие образованиям имперского типа. В таких построениях терялся смысл универсалистских претензий римского народа, а на этом фоне лишались легитимных оснований все декларируемые с ним формы политического преемства<sup>17</sup>.

Естественный порядок, ограничивая начальные формы политических объединений территориальными королевствами, подспудно подразумевал, что сам факт появления империи был связан не только с завоеванием, но и с насильственным объединением существовавших с незапамятных времен независимых государств. Такая форма «неестественного» фактического господства противопоставлялась покоящейся на легитимных началах власти территориальных государей. Римский император не только лишался *de jure* оснований на мировое господство, но и римский народ рассматривался в качестве неспособного трансформировать производные от этого права полномочия своим государям<sup>18</sup>. Все

<sup>12</sup> Стремление к очевидному наращиванию определений о папском верховенстве не являлось органически обусловленным процессом, отражающим реалии средневекового общежития. Прямое вмешательство пап во внутренние дела светских государей оставалось весьма конкретным и ситуативно выраженным явлением. Расширительное понимание Константинова дара с характерным для полемистов ограничительным толкованием пределов территориальной юрисдикции римского престола формировало основу для постепенного распространения лимитирующих полноту верховной власти представлений.

<sup>13</sup> Pennington K. Pope Innocent III's View on Church and State: A Gloss to Per Venerabilem // Law, Church and Society: Essays in Honor of Stephen Kuttner / eds K. Pennington, C. Somerville. Philadelphia, 1977. P. 49–67.

<sup>14</sup> Post G. Studies in Medieval Legal Thought: Public Law and the State, 1100–1322. Princeton, 1964. P. 453–493.

<sup>15</sup> Хачатурян Н.А. Полицентризм и структуры в политической жизни средневекового общества // Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 8–13.

<sup>16</sup> Calasso F. Origini italiane della formula “rex in regno suo est imperator” // Revista di storia del diritto italiano. 1930. Vol. 3. P. 213–259. Уже Ольдрад из Понте, отстаивая претензии Роберта Мудрого на верховенство в подвластных ему территориях, использовал формулу «rex qui superiorem non recognoscit» для полного отрицания универсалистского характера имперской власти. Oldradus da Ponte. Consilia. Lyon, 1550. Consilium. № 69. Sig. 21r–26v.

<sup>17</sup> Наиболее ранний вариант такого подхода обоснован Марином из Караманико (ум. 1288). Calasso F. I glossatori e la teoria della sovranità. Milano, 1957. P. 196.

<sup>18</sup> Наиболее раннее упоминание этого обстоятельства принадлежит Ольдраду из Понте: Oldradus da Ponte. Op. cit. Sig. 24v.

варианты, связанные с последующей «трансляцией» римского варианта имперской идеи, трактовались как бесосновательные и нелегитимные.

Разделявшие эти взгляды интеллектуалы отдавали должное потенциально возможным переменам: «политическая» картина мира в их представлениях оставалась подвижной<sup>19</sup>. С одной стороны, потенциально возможным представлялось появление новых территориальных государств, с другой — не менее реальным виделось и образование ранее неизвестных государственных объединений. Присутствие «старой» империи среди такого рода объединений не исключало появления другой территориально-политической доминанты, а также возможной и обусловленной ее появлением иного рода имперской идентичности. При этом сам факт возникновения композитарных монархий не только не противоречил, но и соответствовал процессу размежевания обновленных территориальных идентичностей.

Составляющие «политического тела» английской композитарной монархии<sup>20</sup> не были однородными и отражали определенные вехи в становлении этого политического и территориального феномена. Отношения, которые складывались между Англией и Уэльсом уже в середине правления Тюдоров, не создавали видимых проблем для правящей династии. Модель, характеризовавшая эти отношения, определялась наличием единой правовой системы, одним парламентом, единой церковью, одним Тайным советом и унифицированной судебной системой, но не исключала автономных элементов культурно-исторического плана. Учрежденный при Генрихе VIII Совет по делам Уэльса не располагал соответствующими ресурсами и был не способен регулировать культурно-историческую автономию этой части британской государственности, но гарантировал при этом фискально-административную унификацию образованных в то же время валлийских графств. Уэльс, таким образом, не являлся собственно композитом, но его место в композитарной монархии сначала Тюдоров, а затем и Стюартов указывало на возможные, но отличные от характерных, формы сохранения автономности: отсутствие административной субъектности не означало, что этот регион был лишен культурно-исторического своеобразие. Потенциал к сохранению эссенциалистски ориентированных дискурсов оставался вполне реальным<sup>21</sup>.

Положение Ирландии как британского композита определялось административно-судебной и культурно-исторической особой спецификой. Зеленый остров, воспринимавшийся англичанами как их собственная территория, был далек от унифицированности и оставался под большим влиянием автономных ирландских институтов<sup>22</sup>. В начале XVII в. отношения между монархией и ее композитом регулировались двумя актами, история появления которых уходит корнями еще в тюдоровское законодательство. В 1541 г. Генрих VIII упраздняет статус Ирландии как вассальной по отношению к английской короне территории, отказывается от титула «лорд» в пользу монаршего сана и инкорпорирует ирландские земли в состав королевского домена, отменяя тем самым характерные для предшествующей поры отношения сюзеренитета. Два композита (Англия и Ирландия) объявлялись равными в том смысле, в котором новый титул приносил самой короне «все

<sup>19</sup> Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. СПб., 2015.

<sup>20</sup> Braddick M. State Formation in Early Modern England, c. 1550–1700. Cambridge, 2004.

<sup>21</sup> Jenkins P. Seventeenth-century Wales: Definition and Identity // *British Consciousness and Identity. The Making of Britain, 1533–1707* / eds B. Bradshaw, P. Roberts. Cambridge, 2002. P. 213–235; Федоров С.Е. Идентитарные процессы в средневековом Уэльсе: терминология, дискурсы и ситуация билингвизма // *Диалог со временем*. 2017. Вып. 61. С. 25–41; *Его же*. Идентитарные процессы в средневековом Уэльсе: терминология, дискурсы и ситуация билингвизма (производные от *wēalas* определения) // *Диалог со временем*. 2018. Вып. 62. С. 48–61.

<sup>22</sup> Percival-Maxwell M. Ireland and the Monarchy in the Early Stuart Multiple Kingdom // *The Historical Journal*. 1991. Vol. 34. № 2. P. 279–295; Ohlmeyer J. Seventeenth Century Ireland and the New British and Atlantic Histories // *The American Historical Review*. 1999. Vol. 104. № 2. P. 446–462; Kingdom United? Great Britain and Ireland since 1500: Integration and Diversity / ed. S. Connolly. Dublin, 1999.

прерогативы, достоинства и другие возможные обстоятельства, связанные с титулом короля как императора»<sup>23</sup>. Ирландская корона объединялась с английской и, подобно последней, объявлялась частью имперского достоинства британских монархов. Закон Пойнинга (1494 г.)<sup>24</sup> с учетом географической отдаленности Ирландии вводил на острове самостоятельную систему региональных исполнительных институтов, которая не исключала несомненного превосходства монарха во всех вопросах внутренней и внешней политики острова. Не касаясь напрямую законодательного процесса, акт содержал ограничения, подразумевавшие почти неограниченный контроль со стороны короля над всей законодательской деятельностью. Исполнительная власть в Ирландии в лице ее наместника наделялась правом созывать парламент, но и в этом случае последнее слово оставалось за монархом. Подлежавшие обсуждению законопроекты в обязательном порядке получали его одобрение. Первоначально предусматривалось участие Тайного совета, который не только готовил текст законопроектов для монарха, но и определял на завершающей стадии их целесообразность перед тем, как заверить Большой королевской печатью. В 1557 г. Тайный совет был отстранен от участия в процессе одобрения законопроектов, но канцлер по-прежнему скреплял принятый ирландским парламентом акт Большой королевской печатью, символизируя тем самым инкорпорацию двух регионов под эгидой англо-ирландской короны. Существенной оставалась связь, предоставлявшая ирландским подданным право прямого королевского правосудия, осуществлявшегося в тесном контакте с членами Тайного совета и английскими судьями<sup>25</sup>.

На фоне проводимой Тюдорами политики в среде разнородного и в этническом, и в конфессиональном отношении населения Ирландии продолжали действовать механизмы, поддерживавшие у местного населения определенные предпочтения, формировавшие этнокультурную идентичность островитян<sup>26</sup>. В конфессиональном отношении ирландцы подразделялись на католиков и протестантов. При этом религиозный аспект в противостоянии англичан и ирландцев мог ослабевать и, теряя свою исходную актуальность, нейтрализовывался в тех случаях, когда корона не нарушала автономию острова в той форме, в которой она сложилась в конце XV — середине XVI в. Тогда шкала, демонстрирующая конфессиональные симпатии ирландцев, нейтрализовалась, а затем поглощалась дополнительной системой координат, нивелировавшей разночтения в предпочтениях «старых англичан», англо-ирландцев, франко-ирландцев, шотландцев и до определенной степени гэльской части населения острова. Характерное для Ирландии многообразие этнокультурных групп не исключало распространение среди них не только собственно проанглийской, точнее англоговорящей, идентичности, но и британской, ставшей впоследствии особенно актуальной. Как известно, уже при Тюдорах автономия острова постоянно оспаривалась и не была столь однозначной, как указывали на то законодательные акты. Из-за постоянной угрозы внешнего вторжения функционировавшая в Ирландии система лояльностей давала сбои и характеризовалась, скорее, подвижностью, чем устойчивостью и предсказуемостью<sup>27</sup>. Повторная колонизация острова, начавшаяся при Тюдорах, окончательно изменила положение Ирландии в составе композитарной державы. Оставаясь частью имперского

<sup>23</sup> The Statutes at Large, Passed in the Parliament held in Ireland...1301 to 1800. Vol. I. Dublin, 1786. P. 176.

<sup>24</sup> Edwards R., Moody T. The History of Poynings Law. Pt. I. 1494–1615 // Irish Historical Studies. 1940–1941. Vol. II. P. 415–416.

<sup>25</sup> The Statutes at Large...Vol. I. P. 44.

<sup>26</sup> Федоров С. Е. О некоторых особенностях представлений об аристократии в Англии раннего Нового времени // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. 2000. Вып. 2. С. 160–179.

<sup>27</sup> Caball M. Faith, Culture and Sovereignty: Irish Nationality and Its Development, 1558–1625 // British Consciousness and Identity. The Making of Britain, 1533–1707 / eds B. Bradshaw, P. Roberts. Cambridge, 2002. P. 112–139; Brady C. From Policy to Power: The Evolution of Tudor Reform Strategies in Sixteenth-Century Ireland // Reshaping Ireland, 1550–1700: Colonization and Its Consequences. Essays Presented to Nicholas Canny / ed. B. Mac Cuarta. Dublin, 2011. P. 21–42.

проекта Тюдоров, британским композитом, Ирландия приобретала дополнительный статус и становилась колонией, отличаясь в этом от своих североамериканских аналогов<sup>28</sup>.

Факт функциональной многомерности и неоднородности композитов, входивших в британскую композитарную монархию, демонстрирует пример Шотландии, вошедшей в состав объединенной державы Стюартов в 1603 г. Известно, что к моменту Унии корон Шотландия уже была составной/композиционной монархией, границы которой оставались неустойчивыми вплоть до 1620-х годов<sup>29</sup>. Речь о том, что значительная часть островных владений шотландской короны (Внешние Гебриды), унаследованных от норвежской монархии в 1266 г., сохраняла свое автономное положение и в начале XVII в. Сложившееся на островах территориальное владение во главе с лордами островов (МакДоналды) оставалось унитарным объединением, где верховная власть передавалась по отцовской линии уже к концу XIII столетия<sup>30</sup>. Только в 1493 г. МакДоналды признали вассалитет в отношении шотландского королевского дома. Корона, распространившая свое влияние на территорию островов, испытывая сопротивление со стороны местных островных кланов, добилась решительного успеха не ранее 40-х годов XVI в. Предшествовавшие этому попытки Якова IV (1493 и 1495 гг.), графов Аргайла и Хантли (1504 и 1506 гг.) нормализовать ситуацию на островах оказались неудачными, и только Яков V в ходе очередной военной экспедиции (1540 г.) смог приступить к масштабной политике «по усмирению непокорного духа островитян». Расширение и укрепление границ владений шотландской короны с использованием методов цивилизаторской политики превратилось в форму традиционного для самой короны утверждения территориальных пределов в рамках островных владений шотландского королевского дома. Уже в конце XVI в. Яков VI, активно отстаивая идею создания своеобразного этнокультурного единства, способного противостоять не только гэльским союзам на территории самой Шотландии, но и Ирландии, полагал, что такой альтернативой местному сепаратизму могла бы стать британская общность<sup>31</sup>. Основу такой новой общности должны были составить английский язык, протестантская церковь и лояльность идеям сначала шотландской, а затем и британской короны. Заметим, что уже первые несанкционированные миграции шотландцев в ирландский Ольстер в конце XVI в. оправдывались подобными намерениями шотландской короны. Известно, что, наставляя своего наследника в делах праведных, Яков VI уверял его, что он, «организуя колонии среди островитян посредством послушных подданных, в кратчайшие сроки сможет изменить и воспитать наиболее достойных из них, искореняя или выселяя наиболее строптивых и упрямых»<sup>32</sup>. Уния корон Англии и Шотландии вдохнула новые силы в политику «аккультурации» гэльского населения Шотландии и Ирландии. Яков I Стюарт активно приступил к внутренней колонизации территорий и более чем кто-либо из его предшественников настаивал на необходимости формировать новую британскую общность как на островах, так и в подвластной Ирландии. Судя по всему, проект нового устройства Великой Британии предполагал, наряду с сохранением политической автономии трех ее основных композитов, их постепенное объединение на основе формирования британской идентичности. За первую треть XVII в. успехи в этом направлении были значительны, а тот факт, что основным строительным материалом для новой общности оказывались англоговорящие шотландцы, подчеркивает известное преобладание не английского, а именно шотландского варианта государственного строительства.

<sup>28</sup> Canny N. The Ideology of English Colonization: From Ireland to America // William and Mary Quarterly. 1973. 3d Ser. Vol. 30. P. 575–598.

<sup>29</sup> Armitage D. Making the Empire British: Scotland in the Atlantic World, 1542–1707 // Past & Present. 1997. № 155. P. 34–63.

<sup>30</sup> Palamarchuk A.A. Scandinavian component in Anglo-Saxon and Norman Identities // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2020. № 3. P. 1016–1023.

<sup>31</sup> Mason R. Scotch the Brut: History and National Myth in Sixteenth Century Britain // Scotland and England, 1286–1815 / ed. R. Mason. Edinburgh, 1987. P. 60–84.

<sup>32</sup> Political Works of James I / ed. C.H. McIlwain. Cambridge, 1918. P. 17.

Интерес к проблемам аккультурации, с одной стороны, и той роли, которую верховная власть играет в этих процессах, — с другой, во многом спровоцирован исследовательским форматом так называемой консентуальной идентичности<sup>33</sup>. Напомним, что концепт консентуальности и границы его применимости для анализа средневековых и — более широко — домодерных идентитарных процессов сформировался под влиянием переоценки широко известной в современной научной литературе концепции ситуативной идентичности Патрика Гири<sup>34</sup>, а также размышлений относительно эффективности использования конструктивистски ориентированных методик при исследовании проблем средневековых этничностей<sup>35</sup>. Консентуальная идентичность — это тип идентичности, связанный с формированием этнических сообществ второго плана. Как правило, в образовании таких идентичностей выделяются два взаимосвязанных последовательных процесса, каждый из которых характеризуется образованием этнополитических и этнокультурных форм консолидации. Такие формы приводят в конечном счете к так называемому этноморфозу, т.е. явлению, связанному либо с возникновением новой общности — «нации», либо с процессом, когда одна из участвующих в подобного рода трансформациях общность или «нация» поглощает до той или иной степени другие этнические образования. Первоначальные стадии этноморфоза обычно предполагают повторную территориализацию, формирование того, что уже в источниках XV в. было принято называть «новым отечеством»<sup>36</sup>. За повторной территориализацией обычно следует процесс регентилизации, означающий, что различные этнические образования, объединяемые, таким образом, общей территорией и, как правило, длительностью именно такого совместного проживания, начинают постепенно переосмысливать самостоятельно или под воздействием определенного принуждения свое собственное происхождение. При этом они могут отдавать предпочтение либо идеям общего совместно пройденного пути, претендуя тем самым на общее гентильное происхождение, либо придерживаться иных схем совместного или же сопредельного сосуществования. (Напомним, что уже в раннесредневековом значении, несмотря на внешнюю синонимичность *gens* и *natio*, *gens* выражает, скорее, узы, возникающие в ходе нескольких поколений, в то время как *natio* — процесс рождения в составе того или иного общества или, точнее, включение в его состав по факту рождения. Поскольку термин «*natio*» указывает на место рождения, он подразумевает исключительно географическое основание общности происхождения. Индивид живет согласно *lex loci*, который для всей совокупности жителей *patria* представляет артикулированную форму *lex gentis*)<sup>37</sup>. Обычно при помощи такой мифологизации, точнее ремифологизации, формируется особого рода дискурс, инструментальные возможности которого ориентированы на легитимацию складывающегося социального порядка. Можно сказать, что собственно

<sup>33</sup> *Fyodorov S., Levin F. Reflections on the Medieval and Early Modern Insular Identities // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2020. № 4. P. 1336–1351.*

<sup>34</sup> *Geary P. Ethnic Identity as a Situational Construct in the Early Middle Ages // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1983. Bd. 113. P. 15–26.*

<sup>35</sup> *Berry J.W. Acculturation and Adaptation in a New Society // International Migration. 1992. Vol. 30. P. 69–85; Idem. Immigration, Acculturation, and Adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46. P. 5–34; Barkan E.R. Race, Religion, and Nationality in American society: a Model of Ethnicity: from Contact to Assimilation [with Comment, with Response] // Journal of American Ethnic History. 1995. Vol. 14 (2). P. 38–101; Федоров С.Е. Британская идентичность/идентичности в раннее Новое время // Вестник СПбГУ. История. 2013. № 3. С. 75–81.*

<sup>36</sup> *Gschnitzer F., Kozellek R., Schönmann B., Werner K.F. Volk, Nation, Nationalismus, Masse // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. O. Brunner, W. Conze, R. Kozellek. Stuttgart, 1992. S. 141–431; Reynolds S. Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300. Oxford, 1997. P. 256–302.*

<sup>37</sup> *Post G. Two Notes on Nationalism in the Middle Ages // Traditio. 1953. Vol. 9. P. 281–320; Guenée B. État et Nation en France au Moyen-Age. Paris, 1967. P. 24–30; Ehlers J. Kontinuität und Tradition als Grundlage Mittelalterlicher Nationsbildung in Frankreich. Sigmaringen, 1983; Beaune C. Naissance de la Nation Française. Paris, 1985. P. 324.*

этнические факторы активируют социальные. Регентилизация может сопровождаться формированием единого языка (этот процесс, как правило, носит затяжной характер и завершается значительно позже). Если такое происходит, то язык начинает играть роль особого залога таким образом объединенного населения. Ранее акцентируемые языковые различия могут стираться, хотя и не всегда. Регентилизация может восприниматься и как самостоятельная фаза в формировании «новых» идентичностей, и как одна из ступеней аккультурации, когда выработанная в ходе предыдущих стадий культурная модель начинает восприниматься и разделяться всеми участниками процесса либо как основная и доминирующая, либо как возможная или же исключительная. Вариативность в отношении такого рода культурной модели определяется тем, что можно с известной долей условности обозначить как аккультурационные стратегии. Общая направленность стратегий во многом зависит от двух принципиальных параметров. С одной стороны, речь идет об имманентно присущей любой рассматриваемой этнической общности способности регулировать связанное с ее функционированием культурное воспроизводство. Независимо от его эффективности такое регулирование остается всегда целенаправленным. При этом его возможности предельно реализуются тогда, когда этническая общность сталкивается с ситуацией, границы которой определяются параметрами межкультурных или же кросскультурных коммуникаций. С другой стороны, важным остается отношение такой общности к культурному контакту как таковому. Речь идет опять-таки об имманентно присущей такой группе способности определять или же варьировать базовые установки, нацеливающие такую общность на саму возможность культурного контакта или же более широко — культурного обмена. В совокупности различные комбинации осознаваемого на том или ином уровне культурного воспроизводства и определенного в той или иной степени культурного контакта и составляют различные варианты или же модификации аккультурационных стратегий. Так, широко известная интеграция может восприниматься как осознанный и перспективно выстроенный вариант комбинации, уравнивающий позитивную модель культурного воспроизводства и аналогичную ей по смыслу и направленности модель культурного контакта. Ассимиляция будет представлять собой комбинацию негативно выстроенной модели культурного самовоспроизводства и позитивно выстроенного культурного контакта. Сепарация, напротив, будет выстраиваться при позитивно решенной модели культурного самовоспроизводства и негативно решенного культурного контакта. И только маргинализация будет такой моделью аккультурации, при которой будет доминировать негативное отношение, т.е. отказ и от модели своего собственного воспроизводства, и от любого позитивно выстроенного культурного контакта.

Понятно, что единственно возможным вариантом для формирования консентуальной идентичности в условиях композитарной монархии будет служить модель интеграции. При этом именно такое условие сохраняет за участниками процесса различные варианты актуализации их историко-культурного своеобразия, подразумевая консентуальный характер сформированного таким образом коллективного самосознания. Как правило, сосуществующие в рамках консентуальной идентичности народы культурно амбивалентны и обладают способностями многократного межкультурного переключения. Выбор предпочтения, зависящий от совокупности внутренних (эмных) и внешних (этных) факторов, остается всегда предметом не только субъективного, но и коллективного переживания. Так или иначе, но консентуальная идентичность сохраняет у разделяющих ее общностей потенциал, который в рамках всем понятной перспективы не истребляет характерный для них этнонациональный ресурс.

#### Библиография / References

- Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннеюэртонской Англии. СПб., 2015.  
Федоров С.Е. Британская идентичность/идентичности в раннее Новое время // Вестник СПбГУ. История. 2013. № 3. С. 75—81.

Федоров С.Е. Идентитарные процессы в средневековом Уэльсе: терминология, дискурсы и ситуация билингвизма (производные от *wēalas* определения) // Диалог со временем. 2018. Вып. 62. С. 48–61.

Федоров С.Е. Идентитарные процессы в средневековом Уэльсе: терминология, дискурсы и ситуация билингвизма // Диалог со временем. 2017. Вып. 61. С. 25–41.

Федоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу средних веков // Вестник СПбГУ. История. 2013. № 1. С. 77–89.

Федоров С.Е. О некоторых особенностях представлений об аристократии в Англии раннего Нового времени // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. 2000. Вып. 2. С. 160–179.

Федоров С.Е., Паламарчук А.А. Рассуждения о формуле власти // Средние века. 2020. Вып. 81. № 1. С. 21–30.

Хачатурян Н.А. Полицентризм и структуры в политической жизни средневекового общества // Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 8–13.

Palamarchuk A.A., Fyodorov S.E. Antikvarnyj diskurs v rannestyuartovskoj Anglii [The Antiquarian Discourse in the Early Stuart England]. Sankt-Peterburg, 2015. (In Russ.)

Fyodorov S. Britanskaya identichnost' i v rannee Novoe vremya [The Early Modern British Identity/Identities] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Istoriya [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. 2013. № 3. S. 75–81. (In Russ.)

Fyodorov S. Identitarnye processy v srednevekovom Uel'se: Terminologiya, diskursy i situaciya bilingvizma (proizvodnye ot *wēalas* opredeleniya) [The Identity processes in Medieval Wales. Terminology, Discourses, and Context of Bilingualism (Wealas-based nomenclature)] // Dialog so vremenem [Dialogue with time]. 2018. Vyp. 62. S. 48–61. (In Russ.)

Fyodorov S. Identitarnye processy v srednevekovom Uel'se: Terminologiya, diskursy i situaciya bilingvizma [The Identity processes in Medieval Wales. Terminology, Discourses, and Context of Bilingualism] // Dialog so vremenem [Dialogue with time]. 2017. Vyp. 61. S. 25–41. (In Russ.)

Fyodorov S.E. Imperskaya ideya i monarhii k iskhodu srednih vekov [The Imperial Idea and Monarchies in the End of the middle Ages] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Istoriya [Vestnik of Saint Petersburg University. History]. 2013. № 1. S. 77–89. (In Russ.)

Fyodorov S.E. O nekotoryh osobennostyah predstavlenij ob aristokratii v Anglii ranнего Novogo vremeni [Some Features in Perception of Aristocracy in the Early Modern England] // Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i раннего Novogo vremeni [Studies in the Medieval and Early Modern Social History and Culture]. 2000. № 2. S. 160–179. (In Russ.)

Fyodorov S.E., Palamarchuk A.A. Rassuzhdeniya o formule vlasti [Some Reasoning on the Power's Formula] // Srednie veka [Middle Ages]. 2020. Vyp. 81. № 1. S. 21–30. (In Russ.)

Khachaturian N.A. Policentrizm i struktury v politicheskoy zhizni srednevekovogo obshchestva [Polycentrism and Structures in the political Life of the Medieval Society] // Khachaturian N.A. Vlast' i obshchestvo v Zapadnoj Evrope v Srednie veka [Power and Society in Western Europe in the Middle Ages]. Moskva, 2008. S. 8–13. (In Russ.)

Alexander J.W. The English Palatinates and Edward I // Journal of British Studies. 1983. № 22. P. 2–22.

Armitage D. Making the Empire British: Scotland in the Atlantic World, 1542–1707 // Past & Present. 1997. № 155. P. 34–63.

Barkan E.R. Race, Religion, and Nationality in American society: a Model of Ethnicity: from Contact to Assimilation [with Comment, with Response] // Journal of American Ethnic History. 1995. Vol. 14 (2). P. 38–101.

Beaune C. Naissance de la Nation Française. Paris, 1985.

Berry J.W. Acculturation and Adaptation in a New Society // International Migration. 1992. Vol. 30. P. 69–85.

Berry J.W. Immigration, Acculturation, and Adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46. P. 5–34.

Bosbach F. Monarchia Universalis. Ein Politischer Leitbegriff der Frühen Neuzeit. Hamburg, 1988.

Braddick M. State Formation in Early Modern England, c. 1550–1700. Cambridge, 2004.

Brady C. From Policy to Power: The Evolution of Tudor Reform Strategies in Sixteenth-Century Ireland // Reshaping Ireland, 1550–1700: Colonization and Its Consequences. Essays Presented to Nicholas Canny / ed. B. Mac Cuarta. Dublin, 2011. P. 21–42.

Caball M. Faith, Culture and Sovereignty: Irish Nationality and Its Development, 1558–1625 // British Consciousness and Identity. The Making of Britain, 1533–1707 / eds B. Bradshaw, P. Roberts. Cambridge, 2002. P. 112–139.

Calasso F. Origini italiane della formola «rex in regno suo est imperator» // Revista di storia del diritto italiano. 1930. Vol. 3. P. 213–259.

Cam H. Liberties and Communities in Medieval England: Collected Studies in Local Administration and Topography. Cambridge, 1944.

- Canny N.* The Ideology of English Colonization: From Ireland to America // William and Mary Quarterly. 1973. 3d Ser. Vol. 30. P. 575–598.
- Clarke A.* The History of Poynings' Law, 1615–41 // Irish Historical Studies. 1972. Vol. 18. № 70. P. 207–222.
- Davies R.R.* The British Isles 1200–1500: Comparisons, Contrasts and Connections. Edinburgh, 1998.
- Dynasties, Realms, Peoples and State Formation, 1500–1720* // Monarchy Transformed. Princes and Their Elites in Early Modern Western Europe / eds R. von Friedeburg, J. Morrill. Cambridge, 2017. P. 17–43.
- Edwards R., Moody T.* The History of Poynings Law. Pt. I. 1494–1615 // Irish Historical Studies. 1940–1941. Vol. II. P. 415–416.
- Ehlers J.* Kontinuität und Tradition als Grundlage Mittelalterlicher Nationsbildung in Frankreich. Sigmaringen, 1983.
- Elliott J.H.* A Europe of Composite Monarchies // Past and Present. 1992. № 137. P. 48–71.
- Elliott J.H.* Empires of the Atlantic World: Britain and Spain, 1492–1830. New Haven, 2006.
- Ellis S. G., Maggin Ch.* The Making of the British Isles. The State of Britain and Ireland, 1450–1660. London, 2013.
- Fedorov S., Levin F.* Reflections on the Medieval and Early Modern Insular Identities // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2020. № 4. P. 1336–1351.
- Geary P.* Ethnic Identity as a Situational Construct in the Early Middle Ages // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1983. Bd. 113. S. 15–26.
- Gschntzer F., Kozellek R., Schöнемann B., Werner K.F.* Volk, Nation, Nationalismus, Masse // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. O. Brunner, W. Conze, R. Kozellek. Stuttgart, 1992. S. 141–431.
- Guenée B.* État et Nation en France au Moyen-Age. Paris, 1967.
- Jenkins P.* Seventeenth-century Wales: Definition and Identity // British Consciousness and Identity. The Making of Britain, 1533–1707 / eds B. Bradshaw, P. Roberts. Cambridge, 2002. P. 213–235.
- Kingdom United? Great Britain and Ireland since 1500: Integration and Diversity* / ed. S. Connolly. Dublin, 1999.
- Koenigsberger H.G.* Monarchies, states generals and parliaments: the Netherlands in the 15<sup>th</sup> and 16<sup>th</sup> centuries. Cambridge, 2007.
- Koenigsberger H.G.* The Empire of Charles V in Europe // The New Cambridge Modern History. Vol. 2 / ed. G.R. Elton. Cambridge, 1958. P. 301–333.
- Koenigsberger H.G.* The Practice of Empire. Ithaca, 1969.
- Mason R.* Scotching the Brut: History and National Myth in Sixteenth Century Britain // Scotland and England, 1286–1815 / ed. R. Mason. Edinburgh, 1987. P. 60–84.
- Morrill J.* The British Problem, 1534–1707 // State Formation in the Atlantic Archipelago. Basingstoke, 1996. P. 1–38.
- Neville C.J.* Land, Law and People in Medieval Scotland. Edinburgh, 2010.
- Ohlmeyer J.* Seventeenth Century Ireland and the New British and Atlantic Histories // The American Historical Review. 1999. Vol. 104. № 2. P. 446–462.
- Palamarchuk A.A.* Scandinavian component in Anglo-Saxon and Norman Identities // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2020. № 3. P. 1016–1023.
- Pennington K.* Pope Innocent III's View on Church and State: A Gloss to Per Venerabilem // Law, Church and Society: Essays in Honor of Stephen Kuttner / eds K. Pennington, C. Somerville. Philadelphia, 1977. P. 49–67.
- Percival-Maxwell M.* Ireland and the Monarchy in the Early Stuart Multiple Kingdom // The Historical Journal. 1991. Vol. 34. № 2. P. 279–295.
- Post G.* Studies in Medieval Legal Thought: Public Law and the State. 1100–1322. Princeton, 1964.
- Post G.* Two Notes on Nationalism in the Middle Ages // Traditio. 1953. Vol. 9. P. 281–320.
- Reynolds S.* Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300. Oxford, 1997.
- Russell C.* Composite Monarchies in Early Modern Europe. The British and Irish Example // Uniting the Kingdom? The Making of British History / eds A. Grant, K. Stringer. London, 1995. P. 133–146.
- Scammell J.* The Origins and Limitations of the Liberty of Durham // English Historical Review. 1966. № 81. P. 449–473.
- Scott H.* Dynastic Monarchy and the Consolidation of Aristocracy during Europe's Long Seventeenth Century // Monarchy Transformed. Princes and Their Elites in Early Modern Western Europe / eds R. von Friedeburg, J. Morrill. Cambridge, 2017. P. 44–87.
- Stringer K.* States, Liberties and Communities in Medieval Britain and Ireland (c. 1100–1400) // Liberties and Identities in the Medieval British Isles / ed. M. Prestwich. Woodbridge, 2008. P. 5–36.
- Uniting the kingdom? The Making of British history* / eds A. Grant, K.J. Stringer. London; New York, 1995.